

О страховке не заботился

К 75-летию со дня рождения Афанасия Салынского

ОН МЕЖДУ НАМИ ЖИЛ

Константин ЩЕРБАКОВ

Он знал в искусстве счастливые годы. Был литературный и сценический успех — подлинный. Написаны такие сильные пьесы, как "Барабанщица", "Летние прогулки", "Молва", к которым театры наши еще, несомненно, вернутся. С ним работали режиссеры Андрей Гончаров, Леонид Хейфец, Наум Орлов, Ион Унгуряну, в его спектаклях играли Мария Бабанова, Людмила Фетисова, Руфина Нифонтова, Вера Васильева, Светлана Мизери, Виталий Доронин, Андрей Попов, Леонид Марков, Евге-

фото В. САВОСТЬЯНОВА

ний Матвеев, Владимир Самойлов, Виталий Соломин. Десятилетия Салынский оставался одной из главных фигур в Союзе писателей СССР, но даже в самом разгаре разоблачительной эйфории сказать об Афанасии Дмитриевиче дурное, неуважительное слово ни у кого не повернулся язык. И журнал "Театр" в пору его редакторства был одним из самых заметных наших ежемесячников.

Это не внешняя, это реальная, действительная сторона его жизни, но только одна из сторон. В свой внутренний мир он пускал неохотно и, может быть, только Раиса Григорьевна, жена, знала до конца, что же происходит с Афанасием Дмитриевичем на самом деле. Я был с ним по-настоящему дружен, однако мне потребовалось немало лет, чтобы понять: мой друг — человек глубоко страдающий. Всякого, кому знакомы понятия приличий, порядочности, не может не ранить то, что вокруг нас происходило и происходит. Но при этом почти всякий вырабатывает некие приспособления, инстинкт самосохранения вступает в действие в конце концов — чтобы можно было просто жить, работать, рано или поздно приходя к пониманию, что плетью обуха не перешибешь. Афанасий Салынский вовсе не был человеком не от мира сего, однако приспособлений этих, амортизаторов создать в себе так и не сумел. И всякий удар, распад, обрыв воспринимал адекватно, а не применительно к обстоятельствам. В этом была его незащищенность, это, наверное, ускорило его смерть. В этом была его сила, позволившая не деформироваться, не притерпеться и существовать так, как существовал, писать так, как писал.

И любимые герои драматурга, начиная с "Опасного спутника", "Забывтого друга", в полной мере ощутили на себе эти удары, распады, обрывы, не обязательно побеждая, но обязательно сберегая честь и достоинство, сберегая лицо. Сегодня понимаешь отчетливо, как много было в этих героях от него самого...

Афанасий Салынский ставил перед собой задачи максимальные, оттого писал трудно, трудно находил форму. Иногда из-под его пера выходили вещи странные, к которым театры не знали, как подступиться. А происходило вот что: драматург в одиночку, наощупь пробивался к тому, о чем еще мало кто думал, что становилось общим достоянием, общим знанием о времени и человеке значительно позже. Это тяжелая

работа, она не была обречена на удачу. Но в лучших пьесах Салынский обретал такую гармонию, когда новое знание, новая мысль, идея сразу завладевала театром, сразу — зрительным залом. И выходили спектакли, ради которых, собственно, существует сценическое искусство.

И насчет секретарства в Союзе писателей — здесь тоже, не только в творчестве, Афанасий Салынский оставался равен самому себе, верен своей натуре. Не мелькал, не старался быть на виду, отметиться, не чувствовал осторожности, осмотрительности, но когда случалась необходимость — делал то, что считал справедливым и правильным, о страховке совсем не заботился. И оказывался в числе немногих, кто под жестким давлением сверху сберегал честь и достоинство русского литератора. Те, кому он помогал, от кого старался отвести беду, надеюсь, помнят об этом.

Можно быть жестким оппозиционером и можно — секретарем Союза писателей или еще чего-нибудь. Деление, граница — не здесь, тем более опыт последних лет показал, как головокружительно все может смениться, переместиться. Деление, граница — внутри нас, вот где нужно опасаться смен и перемещений. Научимся же наконец ценить тех, кто на них органически не способен.

Афанасий Салынский мог совершить ошибку, но не мог совершить дурного поступка, ни индивидуального, ни коллективного. Об этом последнем задумываюсь особо: для Афанасия Дмитриевича закон совести был выше закона сообщества, клана, партии. Это приносило тягостные минуты, но он с этим жил. И был очень надежен — в работе, в дружбе, любви. Если верил, то до конца. Если разуверивался, то по-мужски, без истерик, понимая и помня, что основы нравственные, этические должны быть сохранены, будут сохранены при любых переоценках и ломках.

Иногда я думаю, что в сегодняшнем искусстве такие натуры почему-то не рождаются — одергиваю, стыжу, попрекаю себя возрастным брюзжанием. Однако если засела мысль — куда от нее денешься? Каждый человек зависит от своего времени, причастен к его прозрениям, надеждам, иллюзиям, заблуждениям. И дай бог тем, кто сегодня молод, энергичен, жизнедеятелен, на гребне, — дай им бог прожить свое время с той мерою благородства и душевной прочности, с какой Афанасий Салынский прожил свое.